

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Романтика похоти. Т. 2 гл. 5 — моя тётя миссис Браунлоу, продолжение

Романтика похоти. Т. 2 гл. 5 — миссис и мистер Браунлоу, продолжение

Бесполезно остановиться на нашем расставании на следующий день. Моя мать сопровождала нас в город, где мы должны были взять наёмный экипаж. Он подъезжает. Моя бедная мать едва в силах произнести своё благословение и «прощайте», и я вижу, что слёзы сбегают вниз на её почтенные щёки, поскольку она машет своим носовым платком до тех пор, пока экипаж не сворачивает за угол. Конечно, моё сердце было полно, разве могло быть иначе, когда впервые покидаешь родной дом. Моя тётя обнимает меня рукой за талию и кладёт мою голову к себе на грудь и успокаивает меня, как может; но переполненное сердце должно выразить себя. К счастью, внутри кроме нас никого нет. Моя тетя очень нежна, а доктор — также. Вскоре мои рыдания заканчиваются, и я начинаю засыпать; причём в момент сильного горя нахожу некоторое утешение в мысли прижаться к этим славным сферам. Моя тетя часто целует меня, и я отвечаю ей, нарочито надувая губы, что, как я представлял себе, должно скорее всего понравиться ей.

Я сплю, пока экипаж не останавливается на ужин, охотно ем, и, как может быть предположено после моих тяжёлых трудов в конце недели, скоро снова засыпаю мёртвым сном.

И не просыпаюсь, пока не начинаю чувствовать, как в глаза лезет дневной свет, и не тороплюсь открыть глаза, силясь вспомнить, что со мной было накануне. Приходя в сознание, обнаруживаю, что чья-то рука мягко сжимает и будто отмеряет размер моего стоящего хуя. Его твёрдость, я думаю, вызвана давлением воды в мочевом пузыре. Дыхание моё становится тяжёлым, и у меня нет сил предотвратить какую-то пульсацию моего хуя, вызываемую мягкой рукой, осторожно исследующей его состояние через мои брюки. Кажется, что тётя только что начала свои манипуляции, лишь заметив выпирание под моими брюками из-за его больших размеров. Она прижимает свое колено к колену сидящего напротив доктора, который, я предполагаю, спал на ходу, и шёпотом — но я слышу — обращает его внимание на моё экстраординарное развитие:

— Пощупай это, мой дорогой, но только очень осторожно, чтобы не разбудить его. Ничего себе дрекол! Разве можно было только себе представить его величину? Он вполне побьёт покойного капитана гренадёров, к которому ты имел обыкновение так ревновать.

Доктор щупает, и, я думаю, тётя расстегнула бы мои брюки, если бы карета внезапно не остановилась у гостиницы, в которой нам предстояло позавтракать. Тут по необходимости они трясут меня. Я и действую так, словно внезапно пробудился ото сна. Как только мы выходим из экипажа, я шепчу доктору:

— Пожалуйста, дядя, я очень сильно хочу заняться пустяками.

— Пойдём сюда, мой дорогой мальчик.

И отведя меня за несколько фургонов в ярде от гостиницы, где мы не были бы замечены, говорит:

— Здесь мы можем оба помочиться на эту решётку.

И, несомненно, чтобы придать мне храбрости, вытаскивает свой собственный стоящий хуй. Я понимаю, что он хочет, и вытаскиваю свой собственный во всей его длине и силе.

— О боже, Чарльз, какой огромный петух у вас! И часто он так стоит?

— Да, дядя, каждое утро это причиняет мне такую боль, пока я не займусь пустяками. И что плохо: эта завитушка становится всё больше и больше, хуже и хуже — год назад она не была и в половину такой большой, как сейчас. Не знаю, что и делать, чтобы вылечиться от этой очень болезненной твёрдости.

— Что ж, ладно, мне надо поговорить с вашей тётей. Возможно она сможет помочь вам. Вы когда-либо говорили об этом ещё с кем-либо?

— О, нет, дорогой дядя! Мне же очень стыдно. Но когда я увидел, что у вас также... такая же самая завитушка, я очень обрадовался: ведь у вас можно спросить совета. Не так ли?

— Совершенно верно. Всегда консультируйтесь со мной об этой части вашего тела, независимо от того, что вы можете чувствовать.

Мы позавтракали, и при посадке в экипаж я могу видеть, как дядя и тетя удовлетворительно обмениваются мнениями явно по этой теме. Мы добираемся до дома приходского священника в Кенте как раз к обеду, на котором я становлюсь объектом большого и пристального внимания их обоих, особенно моей тётки.

Наше длительное и утомительное путешествие заставляет нас раньше обычного отправиться спать. Меня проводят в предназначенную мне спальню, очень удобную, соединяющуюся в одном конце с коридором, а с правой стороны от входа имеющую другую дверь, которая ведёт в туалетную комнату моего дяди и в ванную, а те открываются в их спальню, которая имеет подобную же раздевалку с другой стороны, снабжённую платяными шкафами для женской одежды и предназначенную для пользования одной только моей тёткой.

Мне желают спокойной ночи, и я полностью предаюсь этому наслаждению и крепко сплю до позднего утра. Меня будит мой дядя, стягивая с меня всю одежду. Конечно, я, как и обычно, необуздан. Он пристально глядит мгновение или два на моего огромного и полностью стоящего петуха и говорит:

— Уже девять часов, и завтрак готов. Мне не хотелось тревожить вас раньше, поскольку вы настолько крепко спали, но сейчас самое время вставать.

— Я вижу, — добавляет он, — у этой вашей завитушки, как вы называете её, опять твёрдость, о которой вы говорили вчера.

И схватив её, мягко сжимает ладонью. Это явно доставляет ему удовольствие, но он довольствуется следующим высказыванием:

— Ваша тётка должна увидеть это, чтобы дать вам кое-какое средство. Завтра утром она придёт и осмотрит её, чтобы убедиться, насколько она тверда и какую боль вам причиняет.

Я отвечаю:

— Это будет очень любезно со стороны тётки. Но что она может подумать, увидев, как я показываю ей свою завитушку? Мама говорила мне, когда я спал в её комнате, чтобы я всегда занимался пустяками в углу и никогда позволял кому-либо видеть это.

Он смеётся над моей очевидной простотой, и говорит:

— Ваша мама была вполне права относительно людей вообще, но ваша тётка — совсем другое дело, близкие отношения между вами позволяют ей делать то, что она может, чтобы оказать помощь её дорогому племяннику, к которому мы оба проявляем интерес. Кроме того, я предполагаю, ваша мама никогда не видела эту вещь в таком размере и твердости. Не так ли?

И он снова и снова подкидывает её на ладони и слегка сжимает.

— О, нет! Мама никогда не видела её, ведь это было почти год назад, когда я имел обыкновение спать в её комнате, да и ночью эта вещь здорово усыхала. Но с тех пор она

настолько выросла и стала такой твёрдой, что очень уж беспокоит. Вот как сейчас, когда вы держите её в своей руке. Это заставляет меня чувствовать столь странно, дорой дядя, и я буду весьма обязан дорогой тетушке, если она только даст мне средство, чтобы уменьшить боль, от которой я страдаю.

Он снова смеётся и говорит:

— Я поговорю с вашей тётей, и мы посмотрим — посмотрим. Но теперь вставайте, мы найдем вашу тётю, ждущую нас. Так что поторопитесь и оденьтесь. Спустившись по лестнице, вы найдете нас в гостиной.

Он оставляет меня, и когда пошёл по коридору, я слышу его смех, явно над моей невинной простотой. Я сразу понимаю, что завтра мне предстоит явить свои мужские достоинства. И уже чувствую преимущество совета, который обе моих замечательных наставницы дали мне относительно того, как заставлять женщин все их новые завоевания считать плодами, сорванными с меня впервые. Так что я решаю придерживаться той игры в поддавки, которую я уже начал, предвидя, что удовольствие, получаемое от неё, значительно усилит наслаждение, которое тётя естественно получит, будучи выебана моим по настоящему чудовищным петухом.

Когда я спускаюсь к завтраку, то попадаю в довольно тёплые объятия моей великолепной красавицы-тёти, которая, в изящном домашнем платье, выглядит более чем очаровательно. Больше минуты я нахожусь в её объятиях, пожираемый поцелуями. Не сомневаюсь, что доктор пересказал ей уже о нашей беседе. И искрящиеся глаза, и краска на лице явно свидетельствуют, насколько уже возбуждены её страсти. Такое впечатление, будто она очень хочет чуть ли не тут же предаться им. Однако, весь этот день сдержанность сохраняется. У доктора были какие-то дела в округе, которым надо было уделить внимание. А тётя, оставив меня на час после завтрака, чтобы заняться некоторыми необходимыми домашними делами, затем водит меня по всему дому и окрестностям, прежде чем совершить со мною прогулку в деревню.

— Дом, как вы сейчас убедитесь, — объясняет она, — один из тех аккуратных зданий, в которых приходские священники устраивались на своих собственных землях и которыми изобилует Англия. Но немногие отличаются столь великолепной перспективой, открывающейся отсюда. Видите? Вон Лидс на протянувшейся с востока на запад гряде холмов, доминирующей над виднеющейся внизу богатой и красивой пустошью Кента. А теперь пройдем к фасаду, смотрящему на юг. Видите, как быстро спускаются за садом окрестности?

— Да, дорогая тётя, воистину роскошный пейзаж! — вторю ей я.

— Хотя деревня и церковь неподалёку, мы отгорожены от них широкой полосой вечнозеленых деревьев. Видите? Они простираются и на север и восток, защищая наш дом от неблагоприятных ветров.

— Сам дом, как вы сейчас убедитесь, хотя и скромн, довольно просторен. Южный фасад имеет далеко выступающий полукруг, с тремя окнами на нём и окном на каждом этаже выше. Внизу за ними находится гостиная и спальня вашего дяди с двумя раздевалками. Справа, если смотреть на дом отсюда, крыло с открытым арочным проходом к оранжерее и винограднику. Над ним, если подняться по лестнице, набор из трёх комнат, каждая с одним широким окном, выходящим в сад. Эти три комнаты сохраняются нами для такого же числа юных джентльменов, которые могли бы быть приняты для подготовки в университет. Это число

доктор никогда не превышал. Из этих комнат в настоящее время занята только одна — вы сейчас единственный наш постоялец. Они были построены так, чтобы быть изолированными от всей остальной части дома.

Мы поднимаемся на лестничную площадку, и тётя открывает дверь, открывающую вход в коридор:

— Видите другие двери? Они ведут к раздевалке доктора и к каждой из трёх комнат для учеников. В конце ватер-клозет для общего пользования.

Я уже упомянул, что у первой из этих комнат была вторая дверь, соединяющая с раздевалкой доктора, и эта комната предназначена мне.

— Рядом, но с видом север и на замощённую дорогу в деревню и детскую площадку, находится классная комната. Вот посмотрите.

Она высотой примерно в полтора этажа. Я гляжу в окно, вижу дорогу к деревне, а в стороне от неё тихий квадрат сада с каким-то строением в нём, судя по всему соединённым каким-то проходом с классной комнатой, где мы сейчас находимся.

— Там рабочий кабинет доктора, — продолжает разъяснять тётя, указывая на двойные двери, ведущие в ту сторону. — Это святое святых доктора.

— Ого, они обиты байкой и с той и с другой стороны, — любопытствую я.

— Да, таким же манером классная комната отделена и от остального дома, чтобы нигде не пропускать ни одного звука.

Мы возвращаемся в пригодную для жилья часть. С западной стороны находится маленькая библиотека, соединённая с гостиной. Там же комфортабельная столовая, соединённая с кухней и службами, которые выходят во внутренний двор дома. Выше них — спальни прислуги и т. п. Вход с севера ведёт в шикарный вестибюль с добротной широкой лестницей на верхнюю площадку, с которой мы двигаемся на запад и придёшь к трём дополнительным спальням над библиотекой и гостиной.

— В общем, подводит итога моя тётя, — это очень удобный дом, хорошо приспособленный для священнослужителя, добавляющего к его прочим богослужебным обязанностям ещё и обязанности преподавательские.

Моя тётя не обратила моего внимания, а я только потом обнаружил, что у первой спальни, в западном крыле, дверь соседствует с её собственной раздевалкой, что, как мы сможем убедиться в дальнейшем, часто помогало ей в любовных наклонностях, размещая в этой спальне особо привилегированного любовника.

Обилие цветов придаёт дополнительное очарование окрестностям. Отличной оказывается и прогулка в затенённом восточном кустарнике, ведущем от оранжереи вниз к довольно очаровательному летнему домику, из которого открывается довольно прелестная перспектива, и который, кстати, совершенно безопасен от любого наблюдения со стороны. Он был сделан явно в любовных целях и обставлен низкими и широкими кушетками с патентованными пружинными подушками. Представляю себе, какие на этой сцене разыгрывались сладострастные сражения! Да и сейчас я могу видеть, как приведшей меня сюда тётя трудно ограничить себя в большом желании овладеть мной. Да и сам я довольно охотно устремился бы в её страстно жаждущие объятия и выеб бы её к её собственному удовольствию, но благоразумие подсказывает воздержаться. Раз я взялся сыграть эту роль, то обязан довести её до конца. Без сомнения у тётя подобного повода не было. Просто она и доктор, небось, решили, что до следующего утра ничего не должно потревожить моей

скромности — Боже упаси! Поэтому наверное с глубоким вздохом она уводит меня из летнего домика и ведёт в деревню, где мы встречаем доктора, после чего возвращаемся ко второму завтраку.

Затем доктор ведёт меня на новую прогулку: мы идём через живописную деревню вдоль горной гряды холмов, любимся красивыми видами на замок Лидса, доктор посвящает меня в большое количество очень интересных исторических деталей, связанных с ним.

Возвратившись вовремя, чтобы переодеться на обед, я нахожу, что одно из правил дома, — доктор неизменно настаивает на регулярном вечернем костюме во время обеда.

Наш обед и вечер проходят без чего-нибудь достойного отчета. Меня всячески меня обхаживают, вероятно по той причине, что начинают питать большие надежды на, что я смогу любыми способами удовлетворить их цели. На отдых мы удаляемся рано, и я таким образом получаю третью ночь непрерывного отдыха, необходимого мне после всех излишков, которыми я баловался, прежде чем мне пришлось покинуть родной дом. Так что это очень здорово, ведь я благодаря этому готовлюсь удовлетворить сильные страсти моей тети, — судя по тому, что мне уже известно, ненасытной в этом деле.

Просыпаюсь я раньше, чем накануне, но заслышав вскоре движение в раздевалке доктора, симулирую сон. Как я и ожидал, доктор является ко мне в компании с моей тётёй. Они приближаются к краю моей постели. Я лежу на спине, преднамеренно позволив тонкому летнему покрывалу приподняться и выставить вздутие над моим сильно вставшим хуем. — Обрати внимание! — слышу я шёпот доктора.

Приподняв ресницы, вижу, как её рука осторожно скользит под покрывала, и чувствую, как мой дрекол оказывается у неё в мягких полных пальцах и начинает так живо трепетать, что мне становится понятно: хватит хитрить, пора просыпаться, и я сразу же открываю глаза. Моей тётёе это нисколько не мешает, она продолжает держать его всё ещё в руке, нежно пожимая. И говорит:

— Мой дорогой племянник, ваш дядя привёл меня, чтобы посмотреть, нельзя ли мне облегчить эту необычную твёрдость и боль, которую вы ощущаете в этой вашей безмерной вещи. Позвольте мне взглянуть на неё.

Она тут же отбрасывает покрывало, и мой огромный дрекол взлетает во всей славе самой непоколебимой стоячки.

— Честное слово! Что за монстр! — вскрикивает она, пристально рассматривая то, что открылось её взгляду.

В глазах её искры, а лицо полыхает.

Доктор приближается и также с очевидным восхищением хватается за него.

— Мое сокровище, ты в состоянии будешь поместить его в свою натуральную тёплую ванну? Ведь он настолько большой! — О! У меня в этом нет малейшего сомнения! Я сумею успокоить и избавить его от всякой боли. Бедный парень, как он пульсирует! Именно это причиняет вам сильную боль, дорогой Чарльз?

— О, да! Ваша рука, кажется, делает его ещё твёрже, чем прежде, но в то же самое время вызывает какое-то странное чувство — чудеса да и только! вот-вот закружится голова и я упаду в обморок. — Облегчите же меня, дорогая тётушка! Доктор сказал мне, что вы сможете это, если захотите.

— Конечно, смогу, мой дорогой мальчик! Только вот есть одна загвоздка. Мой способ — это большая тайна, известная лишь вашему дяде и мне самой; и вы должны уверить меня, что

никогда и ни с кем не поделитесь им, а уж тем более не станете рассказывать о ходе лечения. Только моя сильная привязанность к вам заставляет меня сделать что-то посильное, чтобы облегчить вас. Обещаете не быть болтливым?

— Моя дорогая тетя, вы можете быть уверены в этом, ведь я буду слишком много обязан вам, чтобы когда-нибудь даже подумать о выдаче секрета вашей восхитительной доброты. Сделайте же, прошу, сделайте это сразу! Уж очень я странно себя чувствую и разрываюсь от боли.

— Ну ладно, подвиньтесь и уступите мне место возле вас, чтобы я смогла прилечь; доктор накроет нас, и я быстренько ослаблю эту одеревенелость.

Она взбирается на кровать, ложиться спину, натягивает на нас простыню и говорит мне:

— Для того чтобы побыстрее избавиться вашу закорючку от одеревенелости, её надо поместить в ножны, которые находятся в моём теле, внизу моего живота. Сейчас я его оголю, а вы взбирайтесь на меня.

Я нарочито неловко делаю это, и она, схватив мой стоящий дрекол, помещает его набалдашник между уже довольно влажными губами, сказав мне:

— Втолкните-ка это подальше!

Мгновенно скользнув чуть ли не до стручков в её восхитительные ножны, я вскрикиваю:

— О, небеса! Как же здорово! Дорогая, дорогая тётушка, что мне теперь нужно делать? Я чувствую, будто собираюсь умереть.

Явленная мною невинность, кажется, усиливает её удовольствие. Она отбрасывает в сторону простынь, нас покрывающую, и, крепко обхватив моё тело руками и ногами, просит меня:

— Заставьте свою закорючку ходить туда и обратно, подвигайте вверх и вниз жопой!

— Чем-чем?

— Задницей, седалищем, тем местом, которым вы садитесь...

Я следую за её указаниями, а она помогает мне с редким искусством, замечательно сжимая и стискивая мой инструмент, когда я беру назад, и отступает, чтобы опять сойтись встречными ударами сверху и снизу. И всё это с выражением самого сладострастного восхищения. Я чувствую, как мои тестикулы охватывает и мягко сжимает рука доктора. Отдавая себе полный отчёт, что кризис приближался, я с криком экстаза пихаю до отказа, но вспомнив о своей роли, восклицаю:

— Ах, я умираю, дорогая тетя! Ах! ах! остановитесь! остановитесь! Я — не могу — не могу — стерпеть это.

И замираю, сделав вид, что лишился чувств. Но могу слышать тетю, бормочущую:

— Какой милый, восхитительный мальчик! Мне ни разу ещё не приходилось иметь в себе такого великолепного хуя и так здорово ебаться. Боюсь, как бы дорогой ребенок не упал в обморок от новизны ощущений и избытка наслаждения. Но его великолепный хуй всё ещё пульсирует во мне. Так очаровательно! Не знаю, доктор, можно ли только по корню почувствовать, как он твёрд.

Я чувствую, что доктор схватывает его, заставляя яростно пульсировать.

— Милый мальчик снова задеревенел, словно и не кончал. Как только он придёт в себя, тебе предстоит ещё одна ебля с ним. Я рад этому, поскольку это восхитительно видеть вас за этим, особенно со столь роскошным хуем, работающим над тобой. — Это — самое большое удовольствие, которое ты когда-либо давала мне таким образом.

— Не удивляюсь этому, мой дорогой, поскольку никогда в жизни раньше не встречалась с

таким прелестным хуем. Помнишь: когда только мы увидели моего племянника, мог бы кто-нибудь из нас подумать, что у него в брюках может быть такая роскошь? Ах, похоть так и съедает меня... и я поте-те-текла. Ах! — ах!

И она сливает ещё один обильный горячий поток на мой дрекол, приведя его тем самым в восторг. Я позволяю ей упиваться экстазом её второй сладострастной разгрузки, пока не нахожу, что её чувственные страсти опять возбуждены и она желала бы приступить к более активным действиям.

— Ах, где я? — поднимаю я голову и с деланным удивлением взираю на тётю. — Что случилось? Я был в раю! Ах, дорогая, как оказался я здесь? Ах да, помню-помню, тётушка, вы обещали уменьшить степень моей твердости... и это оказалось так приятно!... Но я чувствую, что она твёрже, чем раньше... Вы попробуете снова облегчить меня? Или нет, дорогая тетушка?

— Не сомневайтесь, мой дорогой племянник! Вам надо только делать так, как вы сначала уже делали, подвигайтесь туда и сюда, а я буду помогать вам. И может быть мы преуспеем на сей раз лучше, чем прежде.

Конечно, я теперь менее неуклюж, а она более энергична. Я чувствую, как доктор вставляет увлажненный палец мне в зад и двигает им в унисон с нашими толчками. Тётя кричит мне:

— Ну же! Быстрее, быстрее!

И мы скоро оказываемся в великом кризисе, содрогаясь с рыданиями и вздохами восхищения. Я снова падаю на её вздымающуюся грудь, и на самом деле лишённый самообладания от ввергающих в экстаз наслаждений, полученных в этом необыкновенном влагалище. Я поднимаю свои влажные от любви глаза к лицу тёти, и она обеими руками обхватывает мою голову и, притянув мои губы к своим, долго-долго целует их, словно желает удовлетворить жажду, проталкивает свой язык мне в рот, и я его немедленно всасываю. Она тогда просит меня:

— Дайте мне свой.

Так мы лижем языки друг друга минуту или две. Потом она спрашивает:

— Ну как ваша закорючка, меньше болит? И ослабла ли её твёрдость?

— Немного, дорогая тетушка, но я чувствую, что она опять становится твёрдой! Вы должны ещё раз попробовать. Пожалуйста! — ах! это так приятно!

И мой дрекол пульсирует и напрягается, чтобы доказать истину моих слов. Однако доктор тут прерывает нас, говоря:

— Мне нужно уменьшить свою собственную одеревенелость.

И в то же самое время выставляет перед лицами у нас свой действительно прелестный дрекол в полной стоячке.

— Вам следует встать, мой дорогой мальчик, а ваша тётя ослабит вашу новую твердость другим способом, которым она будет в состоянии уменьшить обе наших твердости одновременно.

Неохотно вытащив свой сильно пахнущий и больше чем наполовину упавший дрекол, я поднимаюсь и бросаю взгляд вниз на огромный и великолепно пенящийся глубокий разрез, только что мною покинутый. И восклицаю:

— Ах, дорогая тетя! какой замечательный вид! Мне следует поцеловать это в благодарность за те усилия, которые были предприняты, чтобы облегчить меня.

Я кидаюсь головой вниз на него, целую его, облизываю широко открытые губы, вспененные

от ебли, проталкиваю свой язык как можно глубже. Это явно приводит тётю в восхищение. Но доктор оттаскивает меня, велит мне лечь навзничь, а тётю заставляет широко расставить ноги надо мной. Она хватает мой теперь полностью стоящий дрекол, отгибает его назад и придаёт ему прежнее правильное положение, опускается над ним, пока её обильный волосяной куст разом не соединяется с моим собственным. Медленным восхитительным движением она два или три раза приподнимается и опускается вверх и вниз, а затем нагибается вперёд, склеивая свои губы с моими, в то время как я закидываю свои руки вокруг её великолепного тела. Я могу видеть, что доктор встал на колени между моими ногами, а затем чувствую, как он прикасается своим дреколом к губам влагалища, полностью растянувшегося вокруг моего хуя, несомненно с целью смазать его прежде, чем толкнуть в великолепную тётину задницу. И потом ощущаю прикосновение его дрекола к моему через тонкое разделение, когда он медленно заскользил в её внутренности. Мы тогда начинаем свои объединенные движения, но тётя уделывает нас обоих, и дважды мечет икру, прежде чем присоединиться к нашему заключительному финишу, который возведён громкими криками восхищения всех нас троих, поскольку нас охватывает смерти подобный экстаз, и мы проваливаемся в то наполовину бессознательное состояния, без коего немисливо высшее счастье.

Какое-то время никто из нас не произносит ни слова. Доктор поднимается первым, и, показывая на свой свисающий дрекол с поникшей головкой, произносит:

— Видите, как здорово ваша тётя уменьшила мою одеревенелость? Наверно и вашу, Чарльз? Так что пусть встаёт.

Но я всё ещё чувствую её пульсирующим влагалище, сдавливающее мой дрекол. Когда же она встаёт с него, то раздаётся громкий хлопок, как при вытаскивании пробки из бутылки.

— Признайтесь, эта штука намного мягче, чем прежде, хотя всё ещё приличной толщины. Однако я охотно ещё раз окажу вам услугу в смягчении любой одеревенелости, которая могла бы снова появиться.

Встав на ноги, она наклоняется вперёд, целует это, берёт целиком в рот и любовнейшим образом обсасывает, говоря:

— И вообще буду рада освобождать вас всякий раз от подобных неприятностей.

Они просят меня вставать и одеться:

— Мы должны встретиться за завтраком. Но нам тоже надо закончить свои туалеты.

Они уходят. Я лежу несколько минут в мечтательном восхищении, обдумывая случившееся, и забавляясь последним замечанием моей тётки, из коего, кажется, следует сделать вывод, что она думает, будто я, несмотря на все разыгранные тут трюки, остаюсь простаком. И я решаю действовать так, как если бы это так и было.

Мы встречаемся за завтраком, тётя нежнейшим образом целует меня. Я благодарю её за огромную доброту в освобождении меня от боли, причём столь восхитительным образом, и говорю ей:

— Надеюсь, что вы будете столь же любезны и станете освобождать меня каждое утро, поскольку я всегда именно в это время страдаю от болезненной твёрдости. Хотя мне вроде бы и нельзя сожалеть об этом, раз ваша любезность будет смягчать её.

Довольно по-ребячески я помещаю свои ладони у себя на щеках и открываю рот для поцелуя, который мне и даётся самым непристойным образом. Она называет меня своим дорогим мальчиком и говорит мне:

— Я буду всегда помогать вам так, как уже сделала сегодня утром, пока я буду находить, что

вы не болтливы и никогда не станете кому-либо рассказывать, как я это делала.

Вы можете убедиться, что мои обещания очень искренне повторяются. Таким образом мы целуемся снова, и садимся за превосходный завтрак — с обостренным аппетитом, вызванным нашими ранними упражнениями, и отдаём должное блюдам, выставленным перед нами. Доктор даёт мне книгу по истории, и желает, чтобы я читал в течение нескольких часов.

— Завтра за завтраком мы обсудим предмет вашего чтения.

Я погружаюсь в учёбу и занимаюсь ею предписанное время, а затем приходит тётя попросить, чтобы я прошёлся с нею по окрестностям. И как-то незаметно приводит меня к летнему домику и усаживается на низкую оттоманку. Я сажусь около неё.

Она привлекает меня к себе, целует и, бормоча ласковые обращения, прижимает к своей груди, к своим великолепным пузырям. Конечно, мой непослушный член сразу же вспламеняется. Дабы воспрепятствовать ей помыслить, что виной тому моя похотливость, я говорю:

— Ах, моя дорогая тётя, мне так захотелось заняться пустяками, что моя закорючка сразу затвердела и стала как дерево. Позвольте мне пойти и... ?

— Мой дорогой мальчик, я пойду с вами, и расстегну вам брюки.

Мы направляемся к деревьям. Ее пальцы суетливо расстёгивают мои брюки и помогают вынуть моего надменного петуха во всей его славе. К счастью, я действительно хочу мочиться, и тётя поддерживает его своей рукой, пока я это делаю, причём в глазах у неё искрится желание, а на лице полыхают возбуждённые страсти.

Мягко потирая его вверх и вниз, она отмечает:

— Удивительный размер!

Конечно, он становится более необузданным, чем когда-либо. Закинув свои руки ей за наклонившуюся шею, я спрашиваю:

— Не смогли бы вы опять уменьшить чрезмерную твердость и боль, что там?

— Ну конечно, мой дорогой мальчик. Вернёмся-ка опять в летний домик, где за нами никто не сможет наблюдать.

Мы входим туда. Она кладёт подушку в пол:

— Это для ваших коленок.

И, опрокинувшись на спину, задирает все свои юбки выше живота, выставляя на показ своё уж очень волосатое влагалище с его роскошной глубокой расщелиной, уже влажной от возбуждения. Я бросаюсь на колени и, склонившись, говорю:

— Я должен поцеловать дорогого успокоителя моих болей.

И целую и лизу, пока моя тётя не просит меня:

— Приподнимите своё тело и надвиньтесь на меня, чтобы я могла быстро устранить вашу боль.

Я приподнимаюсь, и всовываю до рукоятки свой задеревеневший член в её страстно жаждущее влагалище, причём она чуть ли не задыхается от внезапности и законченности вставки. Её ноги и руки через мгновение обвиваются вокруг меня, и мы заработали словно молоток и щипцы, пока быстро, с криками восхищения, не истратились и не впали в мгновенное забвение, чтобы вскоре вернуть наши полные ощущения и снова ринуться на новый круг разъяренных страстей. На сей раз тётя, раньше меня слившая свою горячую разгрузку кипения, только потом почувствовала поток моей спермы, стреляющий до вершины её матки. Наш заключительный кризис был даже более восторженным чем в

первый раз, и мы несколько дольше лежим в мягкой расслабленности ощущений. Но чрезмерно чувственная природа её внутренних сдавливающих скоро повторно высвечивает все мои похотливые желания и с возобновленной силой отзывается на моём дреколе. На какое-то короткое время мы погружаемся в это восхитительное баловство биением внутри, пока наше желание большего может ограничиться такой простой предварительной работой, и стимулируемые снова, мы с освеженными страстями устремляемся в схватку. Пламенная природа моей похотливой тётки дважды наличными платит дань Приапу в моём лице. На сей раз наши ощущения при метании икры настолько восторженны, что мы и на самом деле полностью теряем сознание и долгое время лежим заключённые в самых тесных объятиях. Но когда я опять могу чувствовать, что мы оба становимся возбуждёнными, моя тётка просит меня подняться:

— Этого пока достаточно, одеревенелость смягчена, а вы для меня чересчур тяжелы, чтобы терпеть дольше.

Я поднимаюсь, но снова прячу свое лицо в широкой и глубокой расселине этого великолепного влагалища и, прежде чем встать совсем, вылизываю языком восхитительную пену и даже рискую сделать как бы случайное облизывание её небольшой кнопки на клиторе, опасаясь, как бы это не было найдено не совсем изысканным; но она при этом прикосновении волнительно дрожит и даже придавливает мою голову к себе, явно почувствовав удовольствие от этого.

— Мой дорогой мальчик, какое изящное наслаждение доставляете вы мне! Продолжайте же! Ещё малость! И подвигайте своим языком над этой твёрдой выпуклостью.

Я так и делаю. Её роскошная задница извивается от полнейшего удовольствия. Она быстро приходит к восторженному концу, чуть ли не запикивая всё моё лицо в свою обширную орбиту, откуда бьёт на него струей настоящий поток спермы. Она схватывает меня за плечи и тащит вверх, чтобы можно было поцеловать меня. Мой дрекол возвращает себе полную энергию и как-то сам собой исчезает в широко зияющем похотливом влагалище, когда вход туда оказывается в пределах его досягаемости. — Ничего себе! — произноси моя тётка, вздрагивая от такого неожиданного исхода, но удовольствие её настолько велико, что она ни мгновение не колеблется.

Забросив ноги и руки вокруг меня, она приводит в непосредственное действие с вою податливую поясницу. Сам я одинаково в состоянии дикой похотливости, так что этот наш забег заканчивается ещё более быстро, чем предыдущий, и мы истощаемся и в восхитительном томлении падаем, как только минует восторженная радость первого порыва изящной разгрузки.

Моя тётка, которая не могла не быть довольной, причём очень и очень сильно, всё же поддерживает видимость, будто помогает мне, а потому желает, чтобы я всё же поднялся: — Нам надо идти, наступает время второго завтрака. Но, мой дорогой племянник, ваше неистовство приводит меня в замешательство. Почему бы вам самому не приложить усилия, чтобы держать в подчинении свою твёрдость и не позволять ей так часто превращаться в одеревенелость?

— О, моя дорогая тётка, вы с таким изяществом и удовольствием даёте мне облегчение, что моя закорючка, кажется, делается твёрдой только для того, чтобы у меня тут же возникло намерение просить вас о смягчении. Видите, как она снова выпирает из брюк.

Так как она только что их застегнула, она кладёт сверху руку и хватает её, но говорит с

глубоким вздохом:

— Идём же! Поторапливайтесь! Или я не знаю то, что может случиться.

И сжимает мою руку, так что я могу почувствовать, насколько она сама всё ещё возбуждена. Одно только благоразумие позволяет ей сопротивляться дальнейшему потворству своим желаниям, поскольку она, по-видимому, думает, что я всё ещё не сознаю истинную сущность наших трудов.

Мы находим доктора, ждущего нас за вторым завтраком. По покрасневшему лицу мой тётки он делает предположение о природе нашей последних занятий и спрашивает, не был ли я опять обеспокоен своей неестественной твёрдостью.

— Да, — говорит тётка, — бедняга всякий раз, когда захочет заняться пустяками, то не может сделать этого сразу, его начинает беспокоить, а у меня были некоторые трудности в успокаивании его. В конце концов я преуспела, но сказала моему дорогому племяннику, что в дневное время он должен пытаться сам обузывать это, ибо не всегда в моей власти будет придти ему на помощь.

— Совершенно верно, моя любовь; мой дорогой Чарльз, вам следует постараться следовать за пожеланиями вашей тётки.

Конечно я обещаю, и с таким видом невинности, что могу видеть, как они обмениваются улыбками по этому поводу. Мы садимся за стол.

После завтрака доктор, сидя рядом со мной, начинает беседу по вопросам истории, которые я изучал. Наша беседа проходит довольно живо. Доктор оказывается человеком большой эрудиции и различных знаний и умеет придать интерес почти любому предмету. Часы летят, и мы прерываемся только раз, когда входит тётка, чтобы принять по привычке чашку чая, а это значит, что уже пять часов. Доктор довольно лестным для меня способом хвалит моё знание истории и уместность заданных мною вопросов, и я могу видеть, что сильно поднялся в его оценке. Перед обедом он предлагает совершить основательную прогулку, и очень заинтересовывает меня поучительной беседой во время неё. Наш обед я нахожу довольно приятным. В гостиной тётка, сама замечательно играющая на фортепьяно, очаровывает нас своим умением и вкусом. Доктор предлагает мне сыграть в шахматы. Он, конечно, далеко сильнее меня, но хвалит мой стиль, говоря, что со временем и по мере практики я должен стать великим. Мы удаляемся, как тут заведено, около половины одиннадцатого, доктор отводит меня в мою комнату и обещает привести утром тётку, чтобы посмотреть, беспокоит ли меня всё ещё эта болезненная твердость. Я тепло благодарю его, но насколько возможнее простоудушно, чтобы он продолжал считать, что истинная сущность употребляемого лекарства мною не осознаётся.

Сплю я основательно и так долго, что пробуждаюсь только от ощущения ласкового прикосновения к моёму жёстко стоящему хую. Моя тётка осторожно приподняла все покрывала, и я лежу всецело выставленный для её взоров и прикосновений.

— Ах, моя дорогая тетя! Как любезно с вашей стороны придти такую рань, чтобы уменьшить это мучение.

Я протягиваю к ней свои руки. Она наклоняется, чтобы поцеловать меня. Я прижимаю её к своей груди. Наши губы встречаются, и наши языки зажигают вожделением наши тела.

Она падает рядом со мной, и через мгновение я оказываюсь на ней. Доктор хватает мой хуй и вводит его в восхитительную орбиту своей жены. Тетя просит меня:

— Если хотите облегчения, делайте так, как делали вчера.

Наши действия становятся быстрыми и разъяренными. Её ноги и руки нежно обвиваются вокруг меня. Её активная задница восхитительно извивается.

Доктор вводит сначала один, а затем и второй палец в мой зад и тем самым добавляет не мало ярости в огонь моей похоти, так что я истекаю в муке удовольствия настолько же быстро, насколько и пламенная похоть моей тётки приводит её к горячему и обильному метанию икры. Я падаю на её очаровательную грудь, задыхаясь от силы и ярости нашего совокупления, но как всегда при очень быстрой первой ебле, мой мужественный член мало потерял от своей первоначальной энергии, и всего лишь нескольких изящно восхитительных внутренних сдавливаний, произведённых тёткой, оказывается достаточно, чтобы привести его в полную одеревенелость. Мы собираемся опять с возобновленным пылом погрузиться в самое бурное любовное волнение, но доктор настаивает на ином:

— Поменяйтесь-ка сначала местами! Мне также не мешало бы смягчить свою твёрдость.

Мы немедленно изменяем своё положение, и милая тётка, усевшись, словно на колу, на моём вертикальном члене, склоняется ко мне на грудь и оказывается в моих горящих страстью объятиях. Доктор взбирается позади неё, и не теряет времени, чтобы вложиться, словно в ножны, в её забой, а затем мы пролетаем как бы сдвоенный круг восторга, причём инициативу, как обычно, берёт на себя тетя, затопив нас своим горячими и восхитительными излияниями прежде, чем мы оказываемся готовыми вылить в неё двойную дозу своего восторга, которая, в свою очередь, снова заставляет её метать икру с яростью и криками восторженного удовольствия, к которому мы присоединяемся, после чего впадаем в бесподобную любовную неодушевлённость.

Придя в себя, доктор ретируется, но я всё ещё столь же одеревенел, как и до того. Тётка начинает довольно эффективное и восхитительное движение надо мною, которое скоро приводит к другому роскошному финалу, и мы замираем во взаимном восхищении. Я могу чувствовать, как доктор осторожно трогает оба моих стручка во время и после нашего последнего сражения. Когда, благодаря нашим взаимным подмахиваниям, он видит, что мы вроде бы способны ещё раз пуститься в галоп, он просил свою жену подняться с меня. Но мысль лишиться её и её дополнительные нажатия заставляют мой дрекол тут же возобновить вертикальное положение, так что, когда она поднимается с него, тот является его взорам в полностью стоячем состоянии.

— Что, опять, Чарльз? — удивляется доктор. — Ваш член ужасно непослушен. Мой дорогой, вам следует снова попытаться смягчить его, но на сей раз вы постоите на коленях, а мы посмотрим, вдруг эта позиция окажется лучше приспособлена для успокоения этого необычного предмета.

Всё это время он осторожно и восхищенно держит его в руке. Его жена полностью отдаёт себе отчёт в его цели, а я — тоже. Наше последнее сражение помогло снова укрепить его дрекол, и хотя его нельзя назвать совсем необузданным, всё же мне понятно, что, когда я займу предложенное мне место, мой зад окажется вполне для него достижимым и сделает его настолько жёстким, насколько необходимо. Итак, его жена становится на колени и, опустив голову, выставляет перед моими глазами всё поразительное великолепие своей задницы, мой дрекол подпрыгивает от радости. Доктор видит, что его уловка удаётся и, указывая на красоту второй тёткиной орбиты любви, говорит мне:

— Вот где я смягчил свою собственную одеревенелость, а поскольку другое отверстие не преуспело в том, чтобы утихомирить вас, рекомендую вам пойти по другой стезе экстаза —

более узкой.

Я не выражаю удивления, но стараюсь показать самым вроде бы невинным образом, будто воспринимаю это как само собой разумеющееся, и приподнимаюсь на коленях сзади тётки, причём дядя продолжает держать мой инструмент. Вначале он вводит моё почти разрывающееся оружие в её влагалище:

— Для начала надо там смазать... Теперь вынимайте его!

И направляет его в меньшее отверстие, пожелав:

— Толкайте туда, но осторожно и плавно.

Тот медленно проскальзывает внутрь, пока мой живот не встречается с огромными ягодицами этой величественной задницы. Почувствовав пульсирующие ножны, я делаю остановку на минуту или две. Тётя здорово раздвигает свой зад и, явно показывая, что там пусто, облегчает вход.

Она вздрагивает несколько раз, но в целом, как она призналась мне впоследствии, принимает мой огромный инструмент в качестве гостя с меньшей трудностью, чем ожидала. После нескольких медленных движений, во время которых я ласкаю и с восхищением пожираю великолепные шары, находящиеся под моим пристальным взглядом, дядя возжелает:

— Наклонитесь вперёд и обнимите роскошную грудь вашей тётки.

Как только я это делаю и начинаю медленно толкать туда и сюда в восхитительных ножнах, которыми я оказываюсь так восторженно схвачен, я чувствую, как руки дяди блуждают по моим ягодицам, а два пальца вводятся в мой задний проход. Моя трепещущая реакция на них показывает, насколько он понравился мне.

— Добавляет ли это удовольствия, которым вы наслаждаетесь? — спрашивает он.

— Делайте, как вам нравится, дорогой дядя. И вы и тётя так добры, что делаете всё, что можно, дабы уменьшить мою боль, и я был бы очень неблагодарным, если бы не сделал всё, что в моих силах, чтобы помочь вам.

— Вы прелестный мальчик, и я буду нежно любить вас.

Он становится на колени позади меня, и, плюнув на своего петуха, приставляет его к моему заднему отверстию и, осторожно нажимая вперёд, скоро вкладывает его в ножны, да на предельную глубину. Боли он мне не причиняет никакой, так как мне довольно много применяли дилдо, чтобы почувствовать какое-либо затруднение в проходе, однако я считаю благоразумным просить его время от времени быть поосторожней, словно долина, в которую он входит, девственна. Он на седьмом небе и старается показать себя с самой лучшей стороны! И вот, как только он полностью оказывается внутри, после нескольких вздрагиваний, которые довольно очаровательно сказываются на его восхищенном этим дреколе, мы приступаем к более активной работе. Тётя тем временем больше и чаще надавливает на мой дрекол и, потирая свой собственный клитор, — насколько я понимаю из того, что она делает, — щедро мечет икру; а поскольку разгрузка влагалища находит отклик во всех слизистых мембранах тела, её заботой становится весьма влажным и очаровательно горячим. Тогда и я и доктор с пламенной энергией принимаемся заниматься своим делом и вскоре отдаём дань природе, наводняя спермой колотимые нами внутренности.

После этого мы лежим в течение некоторого времени во всей роскоши погружения в восхитительные скважины. Но я совсем не устал, и у меня нет никакого желания выходить. И опять чувствую себя необузданным и продолжаю оставаться всё ещё ошетинившимся, с рукой

на одном из двух непомерных бёдер, пожирая жадным взором всё, что так славно представляется моему пристальному взгляду. Зажжённый таким действительно великолепным видом этих громадных ягодиц во всём их состоянии изгиба, я с криком агонизирующего восхищения опять истекаю и в полном экстазе полностью насыщенной похоти чуть ли не бесчувственно падаю на широкую и красивую спину моей тёти, которая сама, визжа как кролик, несколько раз мечет икру и в конце концов, не имея возможности утолить опустошительную жажду, возлежа на животе, привлекает меня, по-прежнему остающегося в добровольном заточении в её великолепном и изящном забое. Мы лежим очарованные в течение некоторого времени, пока доктор, который, во время нашей последней сечи, также очистил себя, не говорит нам:

— Теперь нам следует встать.

С трудом я отрываю себя от этих восхитительных ножен и поднимаюсь с наконец-то обвисшим петухом. Доктор поздравляет меня:

— Вот видите, последняя перемена мест закончилась с успехом.

Его жена лежит неподвижно и тяжело дышит, и мы вынуждены помочь ей подняться. Она кидается в мои объятия, крепко прижимает меня к вертикально колышущейся груди и нежно целует, произнося:

— Надеюсь, я совсем освободила вас от боли. Вы мой родной, дорогой мальчик, и я всегда буду счастлива освободить вас от этого неудобства всякий раз, когда вас это беспокоит.

Про себя я удивляюсь, что они продолжают поддерживать эту идею, но я приноравливаюсь к ним, и выступаю в качестве довольно невинного простака, несмотря на всё то, что произошло. День проходит точно также, как и предыдущий. После двухчасового занятия чтением тётя опять предлагает совершить прогулку, которая, конечно, заканчивается в летнем домике, где снова давление воды вызывает у меня болезненную твёрдость, которую тётя преуспевает смягчить после четырех самых изящных любовных схваток, с той лишь разницей, что между двумя последними совершается хороший двойной гамаюш. Тётя должна была кончить по крайней мере раз десять и казалась полностью довольной, но продолжала утверждать:

— Это моё вознаграждение за то, что я освобождала вас от вашей болезненной твёрдости.

И снова я провожу часы в поучительной беседе с моим учёным дядей.